

Я очень любилъ славнаго Федора Борисыча. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я его прїѣздовъ, когда узнавалъ отъ его старушки матери, что Федя рано уѣдетъ съ кондичій и завернетъ въ свой погостъ. И когда онъ прїѣзжалъ, я совсѣмъ отбивался отъ своихъ однолѣтковъ прїятелей и прїятельницъ. По цѣлымъ часамъ я терпѣливо просиживалъ съ нимъ за удочками на берегу нашей маленькой, рыбной рѣчки, неотлучно сопутствовалъ ему въ прогулкахъ за грибами. Я непомню—спрашивалъ ли я его о чемъ-нибудь, а онъ вовсе не старался занимать, или поучать меня. Но ему должно быть нравилось, что около него копошится и болтаетъ, и смѣется его шуткамъ, его доброй, доброй улыбкѣ, маленькое, любящее сердце, и онъ постоянно звалъ меня съ собой. Онъ со всѣми держался просто, душевно; онъ не рисовался своими знаніями, своими взглядами предъ туземнымъ и «наѣзжимъ» людомъ маленькаго погоста, не проповѣдывалъ свысока, хотя и не отказывался спорить. Онъ спорилъ горячо, даже раздражаясь тѣми, очевидно, дикими возраженіями, какія ему предъявляли батюшки-сверстники, и чуть ли не одноклассники его по семинаріи, и семинаристы, прїѣзжавшіе гостить на каникулы. Я часто присутствовалъ и при этихъ спорахъ; я ничего не понималъ въ нихъ, но смѣлостью и гордой свободой дышали его рѣчь и фигура, и я любовался имъ, я торжествовалъ его побѣды... Часто споръ, оборвавшись, уступалъ мѣсто простой, душевной бесѣдѣ; Федора Борисыча засыпали вопросами и онъ рассказывалъ, объяснялъ и батюшки потомъ говорили: «умница», «битка», «точно въ ротъ вкладеть — объясняетъ!..» «Горячая, горячая голова, не одобровать!» гудѣлъ, покачивая головой Дорофейчъ. Дѣйствительно, должно быть, сужденія Федора Борисыча приводили если не въ ужасъ, то въ весьма комическое смущеніе мирныхъ обывателей маленькаго погоста. Иногда онъ читалъ съ торжествующей улыбкой газету, на которую собесѣдники смотрѣли съ такимъ же суевѣрнымъ страхомъ, какъ я на «машину» Дорофейча. И мнѣ нравились прекрасные звучные стихи, которые увлекаясь читалъ Федоръ Борисычъ изъ этой газеты; потомъ въ бумагахъ отца я нашелъ цѣлую тетрадь, написанныхъ оттуда стиховъ и ввучилъ ихъ наизусть... «Горячую голову» любили въ нашемъ погостѣ, гордились имъ. И хотя Дорофейчъ сурово покачивалъ головой и говорилъ, что «не одобровать парню», но нужно было слышать, какъ онъ говорилъ: «вѣдь я его, шельмеца, на рукахъ нянчилъ, грамотъ училъ», — и какая гордость няньки своимъ возлюбленнымъ питомцемъ слышалась въ этихъ словахъ...